

го источника, можно считать достоверными: данный конкретный текст отражает общую тенденцию функционирования полукалек.

Рассмотренные письменные источники были выполнены русскими авторами и, следовательно, отражают адаптированную местную топонимию – и полукальки оказываются крайне характерной ее чертой и специфической особенностью, непосредственно связанной с употреблением ГТ в постпозиции к топониму. Сама севернорусская словообразовательная модель «топоним + ГТ» носит явно региональный характер и объясняется либо диалектной консервацией в архаических севернорусских говорах, либо субстратным влиянием на русское словообразование (топонимы юкстапозита) или словоупотребление (ГТ в постпозиции к топониму). Вероятнее всего взаимодействие этих факторов.

Образования по типу «топоним (основа) + ГТ» получили массовое распространение на территории Русского Севера и потому, что сохраняли привычную аборигенному населению словообразовательную структуру топонима, и потому, что для русского языка такая структура оказалась органичной. Необходимым условием существования такой структуры являлось двуязычие, долговременное взаимодействие двух языков.

С учетом регионального распространения крайне показательны абсолютные аналоги в топонимии к западу от севернорусских полукалек, на территории бывшей Обонежской пятины (юг современной Карелии), т.е. в зоне влияния новгородцев.

Рассмотрение севернорусских полукалек как конкретного проявления модели «топоним + ГТ» позволяет дать интерпретацию этой структуры (даже при отсутствии исторических и современных данных по всем регионам Русского Севера).

Употребление ГТ в постпозиции к топониму – это севернорусская архаическая структура, связанная с новгородским заселением и поддерживаемая в условиях взаимодействия русского языка с языком субстрата на Русском Севере.

Ю.В.Алабугина

Субстратная топонимия Русского Севера как источник изучения православных имен

Полный свод православных имён, отсутствие которого во многом сдерживает развитие антропонимических изысканий, может быть составлен лишь при наличии исследований по различным территориям и источникам, к числу которых нужно отнести и топонимию.

Север европейской части России – это, начиная с XII в., территория постоянных русских поселений. Здесь не было крепостного права, поэтому географические названия возникали в результате хозяйственно-экономического опыта поколений крестьян-землепашцев. По данным историков, на территории Русского Севера преобладали однодвухдворные деревни, причём в большинстве случаев они и окружающие их урочища получали названия по именам крестьян-первопоселенцев или владельцев²⁷. Интерес к данной территории вызван и многовековым мирным сосуществованием здесь русского и предшествовавшего ему прибалтийско-финского населения.

Приняв вслед за русскими православие, прибалтийско-финские племена также стали использовать святочные имена. Совершенно чуждые карелам, вепсам и другим прибалтийско-финским народам, они постепенно усваивались, вытесняя прежние языческие, заносились в документы, становились основами топонимов²⁸.

В результате этимологического анализа субстратных топонимов Русского Севера, отраженных в картотеке кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета, было выявлено 88 географических названий, основы которых сопоставляются с 74 формами 57 православных имен, из которых 16 (*Ермой, Прол, Пукал, Авдюха, Алеш, Андрок, Григаш, Григош, Демень, Кодё, Нилько, Обакиша, Онашка, Патьянка, Пири, Питтюга*) в использованной литературе не фиксируются. Уже эти цифры демонстрируют целесообразность изучения субстратной топонимии в плане выявления православного именика как для антропонимических, так и в целом ономастических исследований.

Среди рассматриваемых антропотопонимов можно выделить односоставные (*Питтюга, пок.; Ахавы, пок.; Мауриха, пок.*), часть из которых оформлена суффиксально на прибалтийско-финской почве (*Авдюхастово, пок.; Василистиха, пок.; Дёрмала, пок.*), и сложные, с

²⁷ Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси в XIV – XV вв.: Историко-социологическое исследование о типах поселений. М.; Л., 1936; Витов М.В. Гнездовой тип расселения на русском Севере // Сов. этнография. 1955. №2. С.27–40.

²⁸ Nissilä V. Itä – Karjalan paikannimistössä. Suomi, 104. Helsinki., 1962. S.142–143 (далее – Nissilä); Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микропонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982 (далее – Мамонтова); Муллонен И.И. Гидронимия бассейна реки Ояги. Петрозаводск, 1988 (далее – Муллонен).

детерминативами, имеющими наиболее близкие соответствия в карельском и вепсском языках (*Климабонга*, пок.; *Карпаламби*, пок.; *Игнатоя*, руч.; *Данойпелдо*, пок.). Кроме того, православные имена входят в состав топонимов-полукалек (*Григашручей*, руч.; *Деменьручей*, руч.; *Терешручей*, руч.). Наблюдения показали, что топонимы-полукальки преобладают на территории Архангельской области, а антропотопонимы с детерминативами прибалтийско-финского происхождения – в западной части (Белозерье) Вологодской. Известно, что территория Вологодской области – это зона недавних контактов русских с вепсами, которые до сих пор живут в некоторых её районах. Онежский, Плесецкий, Няндомский районы Архангельской области, где локализуются рассматриваемые географические названия, по мнению А. К. Матвеева, некогда были заселены северными карелами, позднее ассимилированными русскими²⁹. На основании этих фактов, вероятно, можно предполагать, что основами антропотопонимов первого типа стали православные имена, переработанные вепсами, а второго – древними карелами. К сожалению, топонимические данные не дают возможности однозначно соотносить реконструированные антропонимы с тем или иным этносом не только потому, что ономастикон народов, населяющих и населявших Русский Север, изучен крайне неудовлетворительно, но и вследствие того, что длительный период тесного взаимодействия русского и прибалтийско-финского населения обусловил и вхождение неславянских лексем в русские говоры, и включение русских в прибалтийско-финские языки с последующим вторичным заимствованием.

В качестве основ субстратных антропотопонимов выступают адаптированные формы календарных имён³⁰ как в номинативе, так и в генетиве, показателем которого в вепсском и карельском языках являются окончания *-n* (в единственном числе) и *-en* (во множественном)³¹, ср: *Алексийниemi*, пок. ~ *Aleksie* < рус. *Алексий*; *Антипелдо*, пок. ~ *Antipra* < рус. *Антип*; *Мишанбонга*, пок. ~ *Mišan*, род. пад. к *Miša* < рус.

²⁹ См.: Матвеев А.К. Субстратная микропонимия как объект комплексного регионального исследования // *Вопр. языкознания*. 1989. № 1. С. 84–85.

³⁰ Попутно следует отметить, что ономастический материал дает ценные данные о характере процесса усвоения как русского именослова в прибалтийско-финской языковой среде, так и прибалтийско-финского в русской, что будет предметом отдельной статьи.

³¹ См.: Бубрих Д.В. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск. 1943. С. 155.

Миша; *Костинбонга*, пок. ~ *Kóstin*, род. пад. к *Köstä* < рус. *Костя*; *Декункуля*, пок. ~ *Dékkun*, род. пад. к *Dékku* < рус. *Ефим*.

40 основ анализируемых антропотопонимов сопоставляются с полными (*Абрамёки*, д.; *Пролгуба*, зал.; *Лазарьнема*, пок.), 48 – с деминутивными формами русских календарных имен (*Алешручей*, руч.; *Андракоя*, руч.; *Митькозеро*, оз.; *Нилькомина*, пок.), а фонетический облик ряда реконструированных форм православных имён соотносится с русскими разговорными и диалектными вариантами, ср.: *Игнат* (*Игнатоя*, руч.) ~ карел. *Ígnat*³² < рус. *Игнат*, разг. к *Игнатий*³³ (*Петровский*, 144); *Кормило* (*Кормило*, пок.) ~ карел. *Kórmila* (*Nissilä*, 6) < рус. *Кормило*, диал. к *Корнили*³⁴; *Абрам* (*Абрамёки*, д.) ~ карел. *Abram* (*Nissilä*, 9) < рус. *Абрам*, разг. к *Авраам* (*Петровский*, 31). Данный факт подтверждает уже высказанное ранее соображение относительно того, что между русскими каноническими именами и календарными неславянскими лежит цепь обиходных форм русских имён, звучание которых обусловлено фонетическими и морфологическими закономерностями русского языка разных исторических эпох и говоров (*Nissilä*, 3), без учёта которых невозможно рассмотрение эволюции православных имён, функционирующих в неславянской среде. Так, не приходится возводить формы *Оник(о)* (*Оников*, пок.) ~ карел. *Ónikka* (*Nissilä*, 30), *Омелля* (*Омелля*, р.) ~ карел. *Oméllä* (*Nissilä*, 30) непосредственно к *Аники* и *Емельян*. Начальное *о* в данных и подобных формах объясняется только как отражение севернорусских звучаний *Оника*³⁵, *Омеля*³⁶, сохранивших древнерусскую произносительную традицию. В связи с этим антропонимический материал, реконструированный по данным субстратной топонимии, полезен при изучении не только прибалтийско-финского, но и русского православного именовослова. Например, в субстратной топонимии европейского Севера сохранились фонетические и словообразовательные формы некоторых русских календар-

³² *Громова А.Л.* Антропонимия паданского говора карельского языка // *Вопр. ономастики. Свердловск, 1979. С. 41 (далее – Громова).*

³³ *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 1984. С. 144 (далее – *Петровский*).

³⁴ *Поротников П.Т.* Материалы для словаря вариантов русских личных имен. I // *Вопр. ономастики. Свердловск, 1979. С. 15.*

³⁵ *Морошкин М.Я.* Славянский именовослов или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867. С. 143 (далее – *Морошкин*).

³⁶ *Поротников П.Т.* Материалы для словаря вариантов полных личных имен. II // *Вопр. ономастики. Свердловск, 1982. С. 105 (далее – Поротников).*

ных имён, отсутствующих в составе современной исконной топонимии и, видимо, антропонимии данного региона, ср.: *Обáкша* (*Обáкшинда*, пок.) ~ рус. *Обáкша*³⁷, уменьш. к *Аввакум*; *Якша* (*Якшаленда*, пок.) ~ рус. *Якша* (Веселовский, 381), уменьш. к *Яков*; *Григор* (*Григор-ручей*, руч.) ~ рус. *Григор* (Морошкин, 64), уменьш. к *Григорий*; *Алексий* (*Алексийниеме*, пок.) ~ рус. *Алексий* (Петровский, 45), стар. форма имени *Алексей*.

С точки зрения структуры, среди восстановленных форм календарных имён встречаются как суффиксальные, так и безаффиксные. Безаффиксные соотносятся с полными, сокращёнными и производными формами русских личных имён (как фонетически изменённых, так и без изменений), ср.: карел. *Kárrpa* (Nissilä, 22) (*Карпаламби*, пок.) < рус. *Карп* (Петровский, 159); карел. *Fekla* (Громова, 45) (*Фёклумузь*, о-в) < рус. стар. *Фекла* (Петровский, 277); карел. *Ahava*³⁸ (*Ахавы*, пок.) > рус. стар. редк. *Агав* (Петровский, 37) или *Агафа* (Петровский, 38); карел. *Antippa* (Nissilä, 11) (*Антипанелдо*, пок.) < рус. *Антип* или разг. *Антипа* (Петровский, 31); карел. *Nilko* (*Нилькомина*, пок.) < рус. *Нилко* (Петровский, 209), уменьш. к *Нил*; карел. *Filka* (Nissilä, 14) (*Хилька*, куст д.) > рус. *Филька* (Петровский, 286), уменьш. к *Филипп*; карел. *Avduha* (*Авдюхастово*, пок.) < рус. *Авдюха* (Петровский, 309), уменьш. к *Авдей*. Суффиксальные антропонимы образуются при помощи суффиксов *-ла* (Громова, 48), ср.: карел. *Mikilla* (*Микиллянки*, лес); карел. *Otella* (Nissilä, 30) (*Омелля*, р.); карел. *Illa* (Nissilä, 18) (*Илляостров*, о-в), который присоединяется к сокращённой основе православных имён, и суффикса *-oi*, *-i* (Лескинен, 158), ср.: карел. *Hiloi* (Nissilä, 14) (*Хилойталои*, пок.) < рус. *Филипп*; вепс. *Maloi* (Муллонен, 108) (*Малойсо*, пок.) < рус. *Маланья* (Петровский, 193), диал. к *Мелания*; карел. *Macci* (Nissilä, 26) (*Мачино*, пок.) > рус. *Матвей*.

Рассмотрение корпуса реконструированного именика показало, что русскому каноническому имени может соответствовать несколько прибалтийско-финских вариантов православных имён, которые, вероятно, обладают самостоятельностью по отношению друг к другу (человека по имени *Pékko(i)* (Мамонтова, 84) не называли *Pédri* (Nissilä, 33),

³⁷ Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С. 223 (далее – *Веселовский*); ср. также Потрошников, 104.

³⁸ Лескинен В.Т. Карелы // Система личных имен у народов мира. М., 1986. С. 158 (далее – *Лескинен*).

иначе эти имена не стали бы основой топонимов *Пеккоево* и *Педринкуе*, записанных в с. Пондалы Бабаевского района Вологодской области) и являются продуктами различных исторических эпох. Так, достаточно старыми должны быть карельские имена *Pekko(i)* ~ рус. *Пека* (Петровский, 340), уменьш. к *Пётр* и *Timo(i)* (Nissilä, 38) (*Тимуево*, д.) ~ рус. *Тимуй* (Веселовский, 317), уменьш. к *Тимофей*, прямое соответствие которым обнаруживается в финском языке, ср.: *Pekka, Tima*³⁹. Поэтому в данных случаях знак «восходит» может иметь и обратное направление, т.е. приб.-фин. *Pekka, Timo* > рус. *Пека* и *Тимуй*, хотя, по нашим данным, в севернорусских говорах есть и форма *Фека* (Поротников, 113), уменьш. к *Феоктиста*, которую не фиксируют использованные источники прибалтийско-финской ономастики. С другой стороны, формы типа *Васька* (*Васькаленда*, пок.) ~ карел. *Váska* (Громова, 40) < рус. *Васька* (Петровский, 79), уменьш. к *Василий*; *Гришка* (*Гришкаозеро*, оз.) ~ карел. *Grizka* (Nissilä, 5) < рус. *Гришка* (Петровский, 105), уменьш. к *Григорий* и т. д., в точности воспроизводящие современные русские деминутивы, не могут иметь значительного возраста, т.к. не пережили значительных изменений в процессе адаптации.

80 из 88 выявленных топонимов образовано от различных форм мужских личных имен, самыми частотными среди которых являются *Григорий* (*Григозеро*, оз.; *Григашручей*, руч.; *Гришкорги*, пок.), *Игнатий* (*Игнашручей*, руч.; *Игнатмыс*, пок.; *Игнойпелдо*, пок.), *Абрам* (*Абрамёки*, д.; *Абросельга*, пок.), *Василий* (*Васькомина*, пок.; *Васькаленда*, пок.)⁴⁰, при том что в исконной антропонимии Русского Севера лидерами являются *Иван*, *Василий*, *Григорий*, *Пётр*. Интересно отметить, что, согласно самым православным именословам «Святой Восток» и «Святая Русь»⁴¹, наиболее популярными святочными именами являются *Иван*, *Фёдор*, *Александр*, *Степан*, *Василий*, *Григорий*, *Макарий*, *Максим*, *Антон*, *Николай*. В связи с этим следует, видимо, говорить о том, что частотность святочных имён определяется не только

³⁹ Uusi tietosanakirja. Helsinki, 1961. С. 681, 686.

⁴⁰ Возможно, что их топонимическая частотность объясняется не столько употребительностью самих антропонимов, сколько фонетической стабильностью, благодаря которой они легко вычлениются из состава топонимов.

⁴¹ *Сергий, архимандрит*. Полный месяцеслов Востока. Т.2: Святой Восток. М., 1876; *Святая Русь* или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси до XVIII в. обще и местно чтимых: Изложены в таблицах с картою и планом Киевских пещер. СПб., 1891.

календарной частотностью, но и какими-то местными традициями, которые нам сейчас уже не ясны.

Т.Н.Дмитриева

Медведь в лексике и топонимии казымских хантов

Медведь занимает особое место в мифологических представлениях, верованиях, обрядах, изобразительном искусстве хантов и манси. Культ медведя – одна из характерных черт мировоззрения северных обских угров. Этот яркий феномен обско-угорской культуры, привлекавший внимание многих исследователей, продолжает быть предметом изучения и в наши дни: А.Каннисто, Н.Л. Гондатти, К.Д. Носилов, В.Н. Чернецов, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин, Е. Шмидт, Т.А. Молданов и другие авторы внесли свой вклад в разработку этой темы.

Одним из регионов, где культ медведя сохраняется до сих пор, является Казым. По рассказам современных казымских хантов, медведь – сын небесного бога Торума, представитель трех миров: небесного, земного и подземного. Медведя почитают как предка и покровителя фратрии Пор. О его чудесном происхождении и появлении на земле говорят, что он спустился когда-то с неба, явился людям. На Казыме можно услышать, что медведь – это *jet wəš' ŷki* 'старик священного города', *большой вежакорский бог, батюшко дорогой*, – как известно, в называемой «священным городом» нижеобской деревне Вежакоры находится один из культовых центров северных обских угров, где устраивались периодические медвежьи игрища («медвежьи пляски»). Кроме периодических, проводились и спорадические «медвежьи пляски» – в честь добытого медведя-зверя и сына Торума. Традиции их проведения хорошо сохранились у казымских хантов⁴².

Во время охоты на медведя, на медвежьих игрищах и в других ситуациях, связанных с медведем, даже при его упоминании ханты используют особый «медвежий язык», называя самого медведя и всё, что

⁴² О содержании современных медвежьих игрищ см.: *Молданов Тимофей*. Современные медвежьи игрища северных ханты // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars.6: Ethnologia et Folkloristica. Jyväskylä, 1996. P.266–269*; о «старике священного города» и других концептах образа медведя у северных обских угров см.: *Schmidt Eva*. Bear cult and mythology of the northern ob-ugrian // *Uralic Mythology and Folklore. Budapest, Helsinki, 1989. P. 187–232* (далее – *Schmidt*).